

УДК 327(470:55)

Советская политика в отношении бывших царских концессий в Иране (1921–1927 гг.): региональный и международный контексты

Ю. А. Дёмин

Дёмин Юрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, Педагогический институт Иркутского государственного университета, yademin1980@yandex.ru

В статье исследуется политика Советского государства в отношении бывших царских концессий в Иране в 1921–1927 гг. Несмотря на отказ от данных концессий, советское руководство на практике ограничивало действия Тегерана. Анализ документальных источников по проблеме свидетельствует о том, что в основе данной политики лежали стратегические интересы, связанные с обеспечением безопасности южных границ Советского государства, прежде всего в Каспийском регионе. При этом Москва была готова разрешить деятельность зарубежных предпринимателей у своих южных границ в обмен на перспективу улучшения международного положения Советского государства. На позицию советского руководства оказывали влияние политические процессы в Иране и в самом СССР. В связи с этим советская политика в отношении бывших царских концессий после заключения советско-иранского договора 1921 г. эволюционировала от отрицания требований Тегерана до поиска взаимоприемлемых решений.

Ключевые слова: Иран, СССР, советско-иранские отношения, концессии, советская дипломатия, советская концессионная политика, Каспийский регион.

The Soviet Policy Towards the Former Tsarist Concessions in Iran (1921–1927): Regional and International Contexts

Iu. A. Demin

Iurii A. Demin, <https://orcid.org/0000-0002-4335-9983>, Irkutsk State University, 9 Suhje-Bator St., Irkutsk 664011, Russia, yademin1980@yandex.ru

The article deals with the Soviet policy towards the former tsarist concessions in Iran in 1921–27. Despite the renunciation of the former tsarist concessions in Iran, the Soviet leadership de facto tried to control the disposal of the strategically most important of them: either through legal instruments or by force. The analysis of the existing sources on the problem demonstrates that at the heart of the policy there were the strategic interests of the Soviet state. The interests were related to the security of the Soviet southern borders, primarily in the Caspian region. The author points out that Moscow was ready to allow the activities of foreign entrepreneurs near its southern borders in exchange for the prospect of improving the international position of the Soviet state. Moscow's position was influenced by political processes in Iran and the USSR itself. Accordingly, the Soviet policy towards the former tsarist concessions after the conclusion of the Soviet-Iranian treaty of 1921 has evolved from denying Tehran's demands to seeking mutually acceptable solutions.

Keywords: Iran, USSR, Soviet-Iranian relations, concessions, Soviet diplomacy, Soviet concession policy, Caspian region.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-14-21>

Каспийский регион с древнейших времен является одним из центров международной политики, где сталкиваются интересы мировых держав. Его стратегическая важность осознавалась руководством Российской империи, стремившимся закрепить свое преобладающее влияние на Каспии, в том числе и в северных регионах соседнего Ирана. Для достижения данной цели использовались различные методы, включая и получение концессий российским частным и государственным капиталом. Крушение империи привело к резкому сокращению российского влияния в данном регионе, а пришедшие к власти большевики публично заявили о своем отказе от царской политики. Вместе с тем после победы в Гражданской войне большевики на практике во многом отказались от своих первоначальных идеалистических и идеологизированных деклараций и вернулись к политике, направленной на защиту стратегической безопасности советского государства в Каспийском регионе.

Проблемы советской концессионной политики в Иране затрагиваются в работах многих отечественных и зарубежных исследователей. Отечественные авторы советского периода, прежде всего С. Л. Агаев¹, М. С. Иванов², А. И. Демин и В. В. Трубецкой³, сосредоточивали свое внимание преимущественно на начальном этапе советской концессионной политики в Иране, связанной с отказом Москвы от бывших царских концессий. Позиция советских авторов определялась существовавшими идеологическими и теоретическими установками, касавшимися неразрывной связи между внешней политикой и социальным строем, классового характера конкретного государства. В связи с этим советская концессионная политика характеризовалась как составная часть миролюбивой внешней политики рабоче-крестьянского государства.

Отметим, что выведение советской внешней политики из внутренних характеристик режима может приводить и к противоположным выводам. Так, М. А. Персиц⁴, С. В. Мошкин⁵, Н. С. Фатеми⁶, Н. Азими Добахшари⁷, К. Байат⁸ и М. Дабири⁹ связывают ввод советских войск на территорию Ирана весной 1920 г. и последовавшие события (гилянская революция) главным образом с радикальной идеологией и экспансионистскими замыслами большевиков.

Более методологически обоснованным, на наш взгляд, является изучение советской концессионной политики в контексте соперничества

великих держав. Среди отечественных и зарубежных авторов, придерживающихся данного подхода, следует отметить З. А. Арабаджяна¹⁰, М. И. Володарского¹¹, Х. Капура¹², Г. Мирфендерески¹³, Дж. Ленчовски¹⁴, И. В. Турицына¹⁵, А. А. Кочешкова¹⁶, Н. Джахан Ара¹⁷, М. Тахерамади¹⁸, М. Фатеха¹⁹. Указанные ученые делали меньший акцент на идеологии и уделяли большее внимание стратегическим интересам Москвы и англо-советскому соперничеству в Иране. Наиболее изученной проблемой советской концессионной политики в рамках данного подхода является проблема борьбы великих держав за разработку нефтяных месторождений севера Ирана. Также следует отметить изучение отдельных аспектов, связанных с бывшей концессией Лианозовых.

Существующие исследования касаются отдельных аспектов советской политики в отношении бывших царских концессий в Иране. В свою очередь автор настоящего исследования, основываясь на анализе неопубликованных документов из российских архивов (АВПРФ, РГА-СПИ, ГАРФ и РГАЭ), попытался дать целостную картину данной политики, отмечая ее гибкость, прагматизм и нацеленность на обеспечение безопасности Советского государства. При этом концессионная политика рассматривалась в региональном и международном контекстах в связи с тем, что, с одной стороны, многие силовые и ограничивающие суверенитет Ирана действия Москвы диктовались ее стратегическими интересами в Каспийском регионе. С другой стороны, международное положение Советской России и политические процессы в самом Иране стимулировали большевиков к выбору определенной политической линии и методов, поиску партнеров как внутри самого Ирана, так и за его пределами.

Правовые основы советской концессионной политики в Иране были заложены советско-иранским договором от 26 февраля 1921 г. Его содержание подробно изучено в научной литературе, поэтому отметим лишь отдельные моменты. В соответствии со ст. X и XII договора Москва безвозмездно отказалась от бывших царских государственных и частных концессий и транспортной инфраструктуры на севере Ирана, а также обязала Тегеран заключить с РСФСР договор об эксплуатации рыбных промыслов Южного Каспия – бывшей концессии Лианозовых (ст. XIV). Вместе с тем, передавая значительное (и имеющее стратегическую важность) недвижимое имущество и концессионные права, Москва ст. XIII обязывала Тегеран не передавать данное имущество и концессии никакому третьему государству или его гражданам. Данная статья, как и ст. VI, предоставившая Москве право на односторонний ввод войск на территорию Ирана, отражала прежде всего желание Москвы обеспечить безопасность своих южных границ, в частности бакинских нефтепромыслов. Именно

с севера Ирана в годы Гражданской войны была осуществлена британская интервенция в Закавказье и Среднюю Азию. И даже после вывода британских войск с иранской территории (май 1921 г.) в руках Лондона оставались значительные финансово-экономические рычаги влияния на внутривосточную жизнь страны. Обеспечение Москвы обеспечением стратегической безопасности Каспийского региона стала лейтмотивом советской концессионной политики рассматриваемого периода в Иране.

Выделение вопроса о рыбных промыслах в отдельную статью не случайно, так как отражает особую значимость для Москвы концессии Лианозовых. При этом ее ценность объяснялась не только экономическими интересами, но в большей степени вопросами безопасности: продовольственной (во время голода начала 1920-х гг.) и военно-стратегической.

Напомним, что еще в 1873 г. С. М. Лианозов получил от Насер ад-Дин Шаха фирман на монопольное право рыбной ловли в устьях рек персидского побережья Каспия. Первая мировая война и Гражданская война в России привели к банкротству и ликвидации компании и аннулированию концессии Тегераном (1919 г.). Новая история промыслов началась летом 1920 г. после высадки советского десанта в Энзели и национализации промыслов представителями Главного управления госрыбпрома РСФСР²⁰. 12 ноября 1920 г. уполномоченный народного комиссариата внешней торговли (далее – НКВТ) РСФСР И. П. Бабкин и Эхсанулла-хан, возглавлявший правительство так называемой Персидской советской республики (провинция Гилян), подписали проект договора, по которому советская сторона получала иранские прибрежные воды (от р. Атрек до р. Астары) в аренду на 35 лет²¹. Позже в Москве на совещаниях представителей народных комиссариатов НКВТ, продовольствия (Наркомпрод) и финансов (НКФ), Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) и Реввоенсовета (РВС) республики проект договора был одобрен²², однако установление официальных советско-иранских дипломатических отношений сделало невозможным его реализацию.

Необходимость правового урегулирования вопроса о промыслах была обусловлена ст. XIV договора, и в сентябре 1921 г., незадолго до краха республики в Гиляне, Москва предоставила полномочия на ведение переговоров полпреду Ф. А. Ротштейну и руководителю торговой делегации НКВТ В. П. Бельгову²³. Однако переговоры вскоре зашли в тупик ввиду полного несовпадения позиций сторон. В то время как Тегеран настаивал на совместной эксплуатации промыслов, Москва стремилась к единоличной деятельности в обмен на определенный процент от чистой прибыли²⁴. В декабре 1921 г. иранское правительство согласилось на исключительную

аренду промыслов²⁵, однако согласие не было реализовано ввиду последующей смены кабинетов и негативного настроения депутатов меджлиса. Дело осложнили и требования наследников бывшего торгового дома Лианозовых, приведшие к предоставлению им Тегераном новой 15-летней концессии (ноябрь 1922 г.)²⁶.

Еще в ноябре 1921 г. полпред РСФСР в Закавказских республиках Б. В. Легран указывал Г. В. Чичерину, что после падения республики в Гиляне Москва, вероятно, будет поставлена перед необходимостью «открытой силой» поддерживать некоторые свои требования к Тегерану²⁷. В итоге, оказавшись в ситуации отсутствия договора, Москва продолжила эксплуатацию промыслов явочным порядком, не отказываясь и от силовых методов защиты своих интересов. Так, в мае 1924 г. советский десант воспрепятствовал иранским солдатам занять рыбные промыслы в Хасан Кияде (Сефидруд, провинция Гилян)²⁸. Планы Тегерана передать разрешение на лов рыбы частным лицам, готовым платить больше, чем Москва, были нейтрализованы советским запретом на покупку рыбы и икры у частных иранских рыбопромышленников²⁹. Более того, советская сторона выкупила долю главного наследника торгового дома Лианозовых, Мартына Лианозова, создав юридическое прикрытие своего присутствия на промыслах (легальность которого отрицалась Тегераном)³⁰.

Подобная настойчивость Москвы объяснялась не только экономическими перспективами промыслов. Первоначально советские хозяйственники, в частности из НКВТ, рассчитывали на полную окупаемость расходов по эксплуатации промыслов только за счет продажи за границу черной икры³¹. Однако подобные расчеты оказались, очевидно, завышенными, а перевод советских организаций на хозрасчет способствовал тому, что на рубеже 1923–1924 гг. Госрыбпром РСФСР стал высказываться в пользу временного прекращения их фактической деятельности³². Позиция советских рыбопромышленников вскоре изменилась, однако правовая неопределенность и система хозрасчета вынудили администрацию промыслов сократить территорию деятельности и сосредоточиться на добыче осетровых. Так, если в 1920–1921 гг. на промыслах было добыто 281,344 пудов рыбы (из них 38,181 осетровых) и 4,466 пудов икры; в 1921–1922 гг. – 310,135 пудов рыбы (из них 38,725 осетровых) и 4,141 пудов икры; в 1922–1923 гг. – 317,465 пудов рыбы (из них 37,599 осетровых) и 4,521 пудов икры; то в 1923–1924 гг. только 35,000 пудов рыбы (весь объем – осетровые) и 5,365 пудов икры³³.

Если советских рыбопромышленников беспокоили соображения экономического характера, то военные и дипломаты исходили из стратегических соображений. Так, РВС республики считал, что потеря промыслов приведет к необхо-

димости выделения средств на укрепление Баку и создание военных сил на Каспии³⁴. В октябре 1926 г. советский полпред в Иране К. К. Юренев указывал на первостепенную важность промыслов, обладание которыми, по его мнению, позволяло СССР контролировать южное побережье Каспия и создавало барьер на пути английской экспансии³⁵.

В 1923 г., после вступления на пост премьер-министра Реза-хана, расцениваемого в Москве как одного из лидеров иранских националистов, советские дипломаты с новой силой приступили к переговорам с Тегераном. К этому подталкивало и иранское общественное мнение. Даже в союзной СССР социалистической партии («Хезб-е сосйалист») неоднозначно оценивали концессионную политику Москвы. Так, один из органов партии – газета «Сетаре-йе Иран» («Звезда Ирана») – указывал на способность Ирана как независимого государства самостоятельно решить вопрос с принадлежностью южнокаспийских рыбных промыслов³⁶. Другой орган партии – газета «Шафаг-е сорх» («Красная заря») – открыто говорил о невыполнении Москвой взятых на себя по договору 1921 г. обязательств (в частности, силовом удержании порта Энзели, о чем речь пойдет ниже), советских вмешательствах во внутренние дела Ирана и критиковал иранские правительства за слабость и отсутствие настойчивости в защите прав иранцев³⁷. Национализм становился влиятельным элементом общественно-политической жизни Ирана и не мог не оказывать влияния на позицию Тегерана в вопросе об условиях предоставления концессий иностранцам.

7 октября 1924 г. полпред Б. З. Шумяцкий и министр общественных работ Сердар Мо'аззам (Теймурташ) подписали соглашение о создании акционерной советско-иранской компании сроком на 25 лет с равным распределением долей в основном капитале, прибыли и правлении³⁸. Соглашение было одобрено Политбюро³⁹ и утверждено Совнаркомом СССР⁴⁰. Однако оппозиция внутри Ирана (прежде всего со стороны депутатов меджлиса и американского финансового советника А. Милльспо) помешала его ратификации. Ограничение иранского экспорта, введенное Москвой в 1926 г., вызвало кризис в северных провинциях Ирана и простимулировало Тегеран приступить к переговорам. В итоге 1 октября 1927 г. в Москве было подписано соглашение о совместной эксплуатации рыбных промыслов на паритетных началах сроком на 25 лет (вместе с договором о гарантии и нейтралитете, обменом нотами о порте Пехлеви и таможенной конвенцией). Данное соглашение отражало стремление советского руководства не допустить нежелательного иностранного проникновения на юг Каспия и помогло Москве удерживать там свое присутствие вплоть до национализации промыслов Тегераном в 1953 г.

Подобное стремление Москвы видно и в ситуации вокруг другой бывшей российской концессии – порта Энзели (Пехлеви). После занятия Энзели советским десантом порт был подчинен российскому Управлению транспортом Каспийского моря, а требование правительства персидской республики (27 июня 1920 г.) о передаче Решту управления портом было проигнорировано его комиссаром⁴¹. Впоследствии, вплоть до 1927 г., несмотря на ст. X советско-иранского договора, порт де-факто оставался в руках советской стороны. Помимо своего стратегического значения, с военной точки зрения, энзелийский порт играл важную роль для растущей советско-иранской торговли. В итоге заходящие в порт суда обслуживались советскими лоцманами, советские служащие вносили соответствующие сборы, а находившийся в порту советский миноносец удерживал шахские власти от опрометчивых действий⁴². В 1924 г. полпред Шумяцкий предложил Москве создать смешанное советско-иранское общество по управлению портом на паритетных началах сроком на 25 лет⁴³. Данное предложение было поддержано Высшим советом народного хозяйства (далее – ВСНХ) и наркоматами путей сообщений и внешней торговли⁴⁴. В январе 1925 г. соответствующий проект соглашения был одобрен Политбюро⁴⁵. Однако в данном случае легальных инструментов для принуждения Тегерана к совместному управлению портом не было, и по соглашению от 1 октября 1927 г. Москва передала контроль над ним иранской стороне. Вместе с тем советское руководство отчасти сумело добиться своей стратегической цели, обязав Тегеран поддерживать функционирование порта и в течение 25 лет не допускать к работе в нем неперсидских подданных⁴⁶.

Иную тактику, но с той же стратегической целью Москва применила в вопросе о северо-иранской нефти. Напомним, что нефтяными месторождениями на юге Ирана монопольно владела Англо-персидская нефтяная компания (АПНК), контрольный пакет акций которой принадлежал Лондону. Права компании основывались на концессии д'Арси, покрывавшей большую часть территории Ирана, за исключением пяти северных провинций: Азербайджана, Астрабада, Гиляна, Мазендерана и Хорасана – сфере влияния Российской империи. Крах царской России открыл север Ирана для внешних игроков, прежде всего Великобритании и США.

Лондон основывал свои притязания на факте приобретения в 1919 г. акций грузинского дворянина А. М. Хоштария, имевшего шахский фирман на добычу нефти в Семнани и Дамгане. Вместе с тем Тегеран после падения правительства Восуг од-Доуле (июнь 1920 г.) вернулся к политике привлечения «третьей силы» и заключил концессионное соглашение с американской компанией Стандарт ойл оф Нью-Джерси, которое было утверждено меджлисом в ноябре 1921 г.

Советская дипломатия первоначально резко протестовала против вышеуказанного соглашения, ссылаясь на ст. XIII советско-иранского договора. Но, столкнувшись с решимостью Тегерана, указывавшего на нелегальность концессии Хоштария как не утвержденной меджлисом, и иранским общественным мнением в пользу американцев, советское руководство изменило свой подход к данной проблеме и допустило возможность эксплуатации северной нефти «нейтральной» иностранной компанией. При этом первоначально в Москве не было единства мнений относительно «национальной» принадлежности подобной компании. В пользу допуска к нефти американцев выступил глава НКВТ Л. Б. Красин, считая это более выгодным с политической точки зрения⁴⁷. Руководство Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) первоначально склонялось к созданию советско-германской компании⁴⁸, в пользу чего свидетельствовали интенсивные советско-германские экономические и политические контакты. В то же время Москва не могла не учитывать предпочтения иранских политических кругов и общественности и то международное положение, которое США обрели после окончания Первой мировой войны.

Тем временем Стандарт ойл, столкнувшись с протестами и предложениями о сотрудничестве британской стороны, решила создать совместную с АПНК компанию по добыче нефти на севере Ирана. Данное решение нарушало условия концессии и вызвало негативную реакцию в Тегеране. Сотрудничество Стандарт ойл с АПНК не устраивало и советское руководство, которое в 1922 г. начало переговоры с другой американской компанией – Синклер, также проявившей интерес к североиранской нефти.

На стороне Москвы были географический фактор и неразвитость транспортной инфраструктуры Ирана, допускавшие транспортировку нефти с севера Ирана или через территорию СССР (Кавказ), или через территории, контролируемые англичанами. Учитывая антибританские настроения в Иране и содержание концессионного закона, американский консул Бернард Готтлиб признавал, что получившая концессию компания будет вынуждена прийти к соглашению с большевиками⁴⁹. И компания Синклер согласилась на сотрудничество с СССР в нефтяном деле. Еще в январе 1922 г. Синклер и правительство Дальневосточной республики подписали договор о добыче нефти на севере Сахалина, а в июле 1922 г. в Москве глава компании Г. Синклер начал переговоры о создании смешанного общества для добычи и продажи советской нефти⁵⁰. Представители компании согласились и на сотрудничество в вопросе транспортировки продукции будущих североиранских нефтяных промыслов⁵¹. Такое сотрудничество рассматривалось в более широком международном контексте: возможного использования компании для нормализации со-

ветско-американских отношений. С этой целью 16 июля 1923 г. Политбюро поручило председателю Главконцесскома Г. Л. Пятакову указать в письме Синклеру, что договор с компанией может быть заключен лишь по установлении «более нормальных» советско-американских отношений⁵². Позже, в январе 1924 г., во время расследования комиссией сената США скандала вокруг нефтяного месторождения в Вайоминге юриконсульт данной компании указывал, что Г. Синклер принял условие Москвы, по которому концессия на сахалинскую нефть не будет иметь юридической силы до тех пор, пока правительство США не признает советское правительство⁵³. Отсюда следовало, что фактически Синклер соглашался способствовать изменению официальной американской политики непризнания СССР.

Тем временем в июне 1922 г. иранский меджлис внес поправки в закон о концессии на северную нефть, которые открывали для Синклера возможность ее получения. После рассмотрения комиссией меджлиса предложений компаний Стандарт ойл и Синклер и выдвижения иранской стороной новых, более выгодных для Ирана условий, которые устроили Синклер, иранское правительство 20 декабря 1923 г. заключило с последней соглашение на добычу нефти в четырех северных провинциях Ирана⁵⁴. 16 июля 1924 г. соглашение было одобрено концессионным комитетом меджлиса⁵⁵. Советские дипломаты в Тегеране оказывали поддержку Синклеру, проводя соответствующие переговоры с иранскими политическими деятелями⁵⁶.

Таким образом, советское руководство продемонстрировало достаточную гибкость и готовность допустить крупный иностранный капитал к своим южным границам в обмен на перспективу улучшения международного положения СССР. Поэтому утверждение некоторых исследователей, что политика СССР в 1920–1930-е гг. в отношении североиранской нефти сводилась к недопущению проникновения западного капитала к Каспийскому побережью Ирана, кажется нам односторонним⁵⁷.

Отметим, что, заключив соглашение с Синклером, Москва оставила себе «руки свободными» и официально продолжала придерживаться позиции непризнания за Тегераном права передачи иностранцам бывших российских концессий⁵⁸. Поэтому, когда советское руководство узнало о состоявшемся соглашении между компанией Синклер, позиция которой оказалась подорвана разразившимся в США скандалом, и Стандарт ойл (и, соответственно, англичанами), то в ответ против Синклера была применена ст. XIII договора 1921 г.

В итоге Москва попыталась принять самостоятельное участие в нефтяном деле на севере Ирана. Через посредничество Хоштария советская сторона еще в сентябре 1924 г. приобре-

ла фирмы на добычу полезных ископаемых (медь, свинец, каменный уголь и нефть) в Семнанае и Дамгане⁵⁹. В следующем году было принято решение о создании акционерного общества «Кевир-Хуриан Лимитед», юридическое оформление которого было закончено к июню 1926 г.⁶⁰ К участию в делах общества были привлечены и представители иранских правящих кругов: 10 % акций получили иранские частные вкладчики, среди которых были Реза-шах, Теймурташ и Давер⁶¹. Часть акций получил поддерживаемый шахом «Пехлеви банк»⁶². Более того, Маншур-горгани указывал на имевшие место дорогостоящие советские подарки Реза-шаху, сумма которых, возможно, достигала 1 млн туман⁶³.

Последующая эксплуатация показала высокую затратность данного предприятия. В юридически подвешенном состоянии оказался и вопрос о площади эксплуатации и праве на строительство современной нефтедобывающей инфраструктуры⁶⁴. В самом СССР был взят курс на форсированную индустриализацию, что требовало сокращения всех второстепенных расходов. Еще в конце 1925 г. президиумы ВСНХ и НКФ СССР выступили за экономию средств и сокращение советского участия в нефтяном деле на севере Ирана⁶⁵. Политбюро также колебалось и в апреле 1926 г. постановило ограничить финансовые расходы на концессию, а позже привлечь иностранный капитал⁶⁶.

Аналогичные решения принимались и в отношении других советских концессионных предприятий в Иране, в частности, лесной концессии в Гиляне, общества «Автоиран»⁶⁷. Вместе с тем попытки привлечь к участию в нефтяном деле французский и бельгийский капитал окончились неудачей, и продолжение существования общества до марта 1951 г. может быть объяснено, прежде всего, политическими соображениями.

Существуют и иные версии развития ситуации с обществом «Кевир-Хуриан Лимитед». Так, например, И. В. Турицын, анализируя воспоминания и деятельность в Иране перебежчика Г. Агабекова, утверждает, что «гипотеза об особой роли английских спецслужб в провале в 20-е годы советского нефтяного проекта в Персии» имеет полное право на существование⁶⁸. По нашему мнению, гораздо большее значение в данном вопросе играли собственно иранские и советские внутривнутриполитические и экономические процессы, о которых говорилось выше.

Изучая советскую концессионную политику, необходимо отметить ее прагматизм и стратегический расчет. Публичный отказ от бывших царских концессий не привел к фактическому отказу Москвы от попыток установления прямого или косвенного контроля над наиболее важными из них. При этом советская сторона активно использовала, в том числе и для прикрытия, частных лиц или смешанные компании с участием частных лиц. Наиболее ярким примером

является сотрудничество с бывшим российским предпринимателем А. М. Хоштария. Поддержав требования Хоштария к иранскому правительству по поводу конфискованного имущества, советская сторона приобрела участие в лесной концессии и железной дороге (около селения Пир Базар) в гилянкой провинции, а также недвижимое имущество в городах Энзели, Решт и Казвин⁶⁹. В этой связи следует упомянуть и создание компании «Кевир-Хуриан Лимитед».

Советская сторона пыталась поддержать и концессионные инициативы иранских частных лиц. Так, начиная с 1922 г., после нарушения Стандарт ойл концессионного соглашения, иранские предприниматели стали претендовать на свое участие в добыче нефти в провинциях Мазандеран и Гилян и вносить в меджлис соответствующие проекты (итоком подобных выступлений стало резервирование Тегераном Гиляна для отечественного бизнеса)⁷⁰. В пользу допуска отечественных предпринимателей к добыче нефти на севере Ирана стала выступать часть депутатов меджлиса, в том числе социалисты во главе с Сулейман Мирзой. Иранский исследователь И. Варфи Нежад связывает изменение позиции депутатов-социалистов с внутривнутриполитическими причинами: борьбой с кабинетом Кавам эс-Салтане и большинством меджлиса во главе с Носрет од-Доуле⁷¹. Полпред Шумяцкий поддержал данную инициативу и связался с группой предпринимателей во главе с крупным тегеранским купцом, землевладельцем и депутатом Хаджи Моин от-Тоджар Бушери, пообещав им кадровую и техническую поддержку. Данная группа образовала общество гилянкой нефти и не без участия советской стороны, разработала проект соответствующей концессии⁷². 12 марта 1924 г. данный проект был подписан премьер-министром Реза-ханом⁷³ и вскоре представлен на рассмотрение в меджлис⁷⁴. Планы общества так и не были реализованы, однако подобным сотрудничеством советская дипломатия привлекала симпатии иранских деловых кругов и противопоставляла их иностранным концессионерам.

Еще раз отметим, что в концессионной политике СССР рассматриваемого периода идеологические установки играли второстепенную роль, уступая место необходимости обеспечения стратегической безопасности южных рубежей советского государства. При этом Москва не только пыталась не допустить проникновение на север Ирана, прежде всего в Каспийский регион, «враждебного» иностранного капитала, но и стремилась использовать свой транзитный потенциал для улучшения международного положения СССР. Это, в частности, демонстрирует попытка сотрудничества с компанией Синклер. Аналогично Москва использовала свой торгово-транзитный потенциал на севере Ирана для закрепления сотрудничества с Германией и немецким бизнесом (смешанные советско-германские

общества «Русстранзит» и «Русгерторг»).

В своей концессионной политике Москва проявила достаточную гибкость и использовала различные методы воздействия на Тегеран. И если в начале 1920-х гг. советская сторона в принципе отвергала возможность равноправного с Тегераном участия в стратегически важных концессионных предприятиях (что хорошо видно на примере рыбных промыслов), то уже с середины 1920-х гг., с учетом происходящих в Иране внутривнутриполитических изменений (рост националистических настроений) Москва изменила свой подход в пользу равно с иранской стороны участия в концессиях. Дополнительными стимулами в данном направлении стали начавшаяся в СССР политика индустриализации и курс на построение социализма в одной стране. Необходимость экономии государственных средств не могла не подталкивать Москву к компромиссу с Тегераном и урегулированию ситуации с бывшими царскими концессиями в обмен на определенные гарантии с иранской стороны. Итогом этого стало подписание в 1927 г. ряда межгосударственных соглашений, закрепивших нейтралитет Ирана и урегулировавших положение с рыбными промыслами и портом Энзели.

Примечания

- 1 См.: Агаев С. Л. Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг. (Вопросы внешней политики). М.: Наука, 1970. С. 41–42, 61–62, 135.
- 2 См.: Иванов М. С. Новейшая история Ирана. М.: Мысль, 1965. С. 27–28, 42–43.
- 3 См.: Демин А. И., Трубецкой В. В. Внутренняя и внешняя политика монархии Пехлеви в 1925–1928 гг. // Иран: Очерки новейшей истории. М.: Наука, 1976. С. 37–39.
- 4 См.: Персиц М. А. Застенчивая интервенция. М.: АИРО-XX, 1996. С. 10–16.
- 5 См.: Мошкин С. В. Революция извне: Историко-политологические очерки. Екатеринбург: ИФИПР, 1997. С. 24–33, 36–46, 94–112.
- 6 Fatemi N. S. Diplomatic history of Persia, 1917–1923. Anglo-Russian power-politics in Iran. N. Y., 1952. P. 150–157, 191–197.
- 7 لگنج بالقن و شبنج زاون یت اور ن. یرشخبودی می طع : ۱۲۱، ۹۶-۹۷، ص. ۱۳۹۴، نارت
- 8 : زاق فق زار فرب نافوت . ک ت ای ب : ن ای اب ر ذ آ ی ای پروم ج و ناری ای ای ا قطن مت اب س ان م بی هاگن ، ۱۹۲۱ – ۱۹۱۷ الالق ت س اتس خن رود ر دن اتس چرگ و ن اتس ن ج را ۳۲۵-۳۲۱، ۳۰۷-۳۰۶، ص. ۱۳۸۰، نارت
- 9 ۱۹۲۲ – ۱۹۱۹ ناری رد هی سور و ن اتس لگن . م یری ب د ادمت س ا ط م ج زان آزی ای ای یارب شالت و ان ا طلس زای ای هول ج ۱۱۶-۱۱۵، ۲۰-۱۹، ص. ۱۳۸۶، نارت . ل لم ه عم اج زا
- 10 См.: Арабаджян З. А. Иран: Противостояние империям (1918–1941). М.: ИВ РАН, 1996. С. 51–53, 56–57, 66–71, 113–114, 125–126.
- 11 См.: Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–33 гг.). Л., 1985. С. 80–81, 90–94, 102–105.

- ¹² Kapur H. Soviet Russia and Asia 1917–1927. A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneve, 1966. P. 182–184, 209–211.
- ¹³ Mirfendereski G. A Diplomatic History of the Caspian Sea / treaties, diaries and other stories. New York ; Basingstoke, 2001. P. 119–129.
- ¹⁴ Lenczowski G. Russia and the west in Iran, 1918–48. N. Y., 1949. P. 81–84.
- ¹⁵ См.: Турицын И. В. Великие державы в борьбе за иранскую нефть (1920–1954 гг.) // Современная научная мысль. 2014. № 4. С. 61–65.
- ¹⁶ См.: Кочешков А. А. Североиранская нефть : из истории дипломатических баталий // Международная жизнь. 2010. № 14. URL: <http://interaffairs.ru/paged/show/lukoil/sixteen> (дата обращения: 05.07.2019).
- ¹⁷ بالقرن از یوروش و نارای یراجت طباور خیرات ن اران اهج ۱۱۵-۵۲، ۴۴، ۱۳۹۰، لمأ. داش اضر طوقس ات ربتکا ۱۱۷.
- ¹⁸ نارعت. داش اضر هرود رد یوروش و نارای طباور م یدم جارهاط ۱۳۸۴، ص ۱۸، ۳۰-۳۱.
- ¹⁹ ۳۳۱-۳۴۲، ص ۱۳۵۸، نارعت. نارای تفنن لاس حاجنپ م حتاف.
- ²⁰ См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 9262. Оп 1. Д. 50. Л. 1–3.
- ²¹ См.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). Ф. 094. Оп. 5. Пап. 105. Д. 26. Л. 16, 18–19.
- ²² См.: АВПРФ. Ф. 094. Оп. 5. Пап. 105. Д. 26. Л. 16об.–17, 20.
- ²³ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 109. Д. 50643. Л. 16.
- ²⁴ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2198 Л. 96, 101.
- ²⁵ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 112. Д. 50691. Л. 34.
- ²⁶ Mirfenderesky G. Op. cit. P. 126.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С / Персия. Д. 96. Л. 6 об.
- ²⁸ АВПРФ. Ф. 028. Оп. 12. Пап. 32. Д. 2. Л. 181–183.
- ²⁹ Там же. Ф. 028. Оп. 10. Пап. 31. Д. 9. Л. 60–61, 197.
- ³⁰ АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50769. Л. 71–72 ; Д. 50767. Л. 149.
- ³¹ АВПРФ. Ф. 094. Оп. 5. Пап. 105. Д. 26. Л. 16об.
- ³² АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 151. Д. 586. Л. 52.
- ³³ РГАЭ. Ф. 9262. Оп 1. Д. 50. Л. 4–11.
- ³⁴ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 151. Д. 586. Л. 52.
- ³⁵ Там же. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 127. Д. 227. Л. 6.
- ³⁶ ۱-۲. ص. ربم اون ۳۰، ۱۹۲۲. نارای مراتس // افوزان ایل
- ³⁷ ۱؛ ص. هیوژ ۵، ۱۹۲۲. خرس قفش // یراجت تابسانم هیوژ ۷، ۱۹۲۲. خرس قفش // هیسور و ام یراجت تابسانم ۳۰، ۱۹۲۳. خرس قفش // یراجت تابسانم و اه من یباک ۱؛ ص ۱
- ³⁸ См.: АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 5071. Л. 10-15.
- ³⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 459. Л. 19.
- ⁴⁰ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 119. Д. 50778 (141). Л. 66.
- ⁴¹ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–5402. Оп. 1. Д. 503. Л. 1.
- ⁴² См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 127. Д. 226. Л. 182.
- ⁴³ См.: Там же. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50770. Л. 88–89 об.
- ⁴⁴ См.: АВПРФ. Ф. 028. Оп. 10. Пап. 31. Д. 9. Л. 6.
- ⁴⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 485. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=65395> (дата обращения: 05.07.2019).
- ⁴⁶ Нота Л. М. Карахана Али Голи Хану Ансари, 01 октября 1927 г. // Документы внешней политики СССР : в 21 т. М. : Госполитиздат, 1965. Т. X. С. 429.
- ⁴⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 5577. Л. 40.
- ⁴⁸ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 112. Д. 50691. Л. 34.
- ⁴⁹ The Consul at Tehran to the Secretary of State. June 27, 1923 // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1923, Vol. II. Washington, 2018. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1923v02/d606> (дата обращения: 05.07.2019).
- ⁵⁰ См.: Отчет о беседе Г. Л. Пятакова с Синклером и Фоллом, 14 июля 1922 г. // Россия и США : экономические отношения 1917–1933 : сборник документов. М. : Наука, 1997. С. 58–60.
- ⁵¹ См.: АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50769. Л. 85–90.
- ⁵² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 348. Л. 5–5 об.
- ⁵³ Mr. Chilton to Mr. MacDonald. February 8, 1924 // British Documents on Foreign affairs : reports and papers from the Foreign Office confidential print. Pt. II, From the First to the Second World War., Ser. B Turkey, Iran and the Middle East, 1918–1939, Vol. 19, Persia IV. Frederick, Md., 1990. P. 185.
- ⁵⁴ The Persian Minister to the Secretary of State. February 21, 1924 // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1924, Vol. II. Washington, 2018. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1924v02/d469> (дата обращения: 06.07.19).
- ⁵⁵ Mirfenderesky G. Op. cit. P. 122–123.
- ⁵⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 828. Л. 21 ; Ф. 495. Оп. 90. Д. 103. Л. 73.
- ⁵⁷ См.: Кочешков А. А. Нефть и охлаждение советско-иранских отношений на раннем этапе «холодной войны» 40–50 гг. XX в. // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2009. № 3. С. 66.
- ⁵⁸ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 140. Д. 438. Л. 14 ; Ф. 04. Пап. 118. Д. 50768. Л. 16.
- ⁵⁹ См.: АВПРФ. Ф. 04. Пап. 118. Д. 50770. Л. 22–23.
- ⁶⁰ См.: Кочешков А. А. Североиранская нефть. URL: <http://interaffairs.ru/paged/show/lukoil/sixteen> (дата обращения: 05.07.2019).
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 127. Д. 226. Л. 151.
- ⁶³ ات ۱۲۹۶ زان ارای ارد یوروش تلودتس ایس م یناگرگروشنم ۱۳۰۶، ص ۲۳۴-۲۳۵، نارعت. لوادل ج.
- ⁶⁴ См.: Кочешков А. А. Североиранская нефть. URL: <http://interaffairs.ru/paged/show/lukoil/sixteen> (дата обращения: 05.07.2019).
- ⁶⁵ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 140. Д. 438. Л. 61–63, 67–68.
- ⁶⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 558. Л. 29 ; Д. 585. Л. 20–22 ; Д. 598. Л. 9–10.
- ⁶⁷ См.: Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 635–2. Л. 4 ; Д. 643. Л. 2, 7 ; Д. 648. Л. 2–3.
- ⁶⁸ Турицын И. В. Указ. соч. С. 64.
- ⁶⁹ См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 140. Д. 437. Л. 28–29 ; Ф. 04. Пап. 118. Д. 50770. Л. 20–21.

⁷⁰ میناگرگروشنم .اج نام.ه. ص. ۱۷۰، ۱۷۶.

⁷¹ تفن هلئسم و یردنکسا ازریمنامیلس .یا داژنیفرو
ن اوژپ خیرات ممان // لامش .۱۳۸۸. ش. ۱۷. ص. ۱۴۷-۱۴۸، ۱۵۴.

⁷² См.: АВПРФ. Ф. 04. Оп. 18. Пап. 140. Д. 438. Л. 38–
38 об., 56–57 ; Ф. 04. Пап. 118. Д. 50769. Л. 69–71.

⁷³ Intelligence Summary № 11 for Week ending March 15,

1924. // Foreign Office 416/74. P. 136. URL: http://www-larchivesdirect-lamdigital-lco-luk-1008decmr0002.erf.sbb.spk-berlin.de/Documents/Details/FO_416_74 (дата обращения: 22.09.2019).

⁷⁴ Sir P. Loraine to Mr. A. Chamberlain. May 22, 1925 // Iran political diaries, 1881–1965. Vol. 7 : 1924–1926. Oxford, 1997. P. 208.

Образец для цитирования:

Дёмин Ю. А. Советская политика в отношении бывших царских концессий в Иране (1921–1927 гг.): региональный и международный контексты // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 14–21. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-14-21>

Cite this article as:

Demin Yu. A. The Soviet Policy Towards the Former Tsarist Concessions in Iran (1921–1927): Regional and International Contexts. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 14–21 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-14-21>
